

12+

Надежда Максимова

СПАСТИ ЛЕНИНГРАД

Попаданка в 1941-й год

Надежда Максимова

**Спасти Ленинград.
Попаданка в 1941-й год**

«Издательские решения»

Максимова Н.

Спасти Ленинград. Попаданка в 1941-й год / Н. Максимова —
«Издательские решения»,

Свершилось чудо. Накануне дня рождения вдруг открылся канал в прошлое. Мне снова 15 лет Что может сделать юная попаданка в июле 1941 года? Как спасти людей в самое роковое время Великой Отечественной? Это трудно, практически невозможно. Но отступать некуда, за нами Россия!

© Максимова Н.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Чудеса бывают разные	7
Глава 2. 1941-й	9
Глава 3. Братская могила	12
Глава 4. Спасение	14
Глава 5. Что делать?	17
Глава 6. Первый контакт	20
Глава 7. Первое задание	23
Глава 8. Подготовительные мероприятия	25
Глава 9. НКВД в режиме реального времени	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Спасти Ленинград Попаданка в 1941-й год

Надежда Максимова

© Надежда Максимова, 2026

ISBN 978-5-0071-2595-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Приснился мне жуткий сон. Сначала увидела, как по небу с диким воем несутся огненные демоны. Потом в наступающих сумерках открылся вид на огромную могилу едва-едва присыпанную землей. Земля зашевелилась и вдруг, прямо по центру из нее на поверхность вырвалась мужская рука. И начала ощупывать все вокруг, как бы пытаясь найти за что зацепиться. Проснулась в холодном поту.

Глава 1. Чудеса бывают разные

У Богов своеобразное чувство юмора. И хотя мы подспудно все отчасти атеисты (точнее агностики), но когда на тебя сваливается нечто невообразимое... Поневоле приходишь к мысли, что там, наверху, что-то этакое все же есть. И оно развлекается порой весьма своеобразными шуточками. Живешь себе тихо-мирно, никого особо не трогаешь... Вдруг БАЦ! И все, что было прежде, со старыми добрыми мечтами, заботами, привычными повседневными мыслями в одночасье проваливается в тартарары.

Впрочем, обо всем по порядку.

Итак, наступило 14 июля. Самая середина, или как у нас в городе говорят «Макушка лета». И мой день рождения, когда мне исполнилось... не скажу сколько лет. Но много.

Очень даже достаточно.

Когда мне было пятнадцать, я считала, что столько не живу.

Но, как выяснилось, ошибалась.

К этому почтенному возрасту я заимела свой дом на небольшом, в девять соток участке земли, где возделывала несколько грядок с клубникой и помидорами. А в наследство от прежних хозяев мне досталось несколько огромных старых слив, которые весной пышно цвели, а к осени плодоносили.

Увы, достать спелые ягоды с их вершин было невозможно, так что каждый год я ходила внизу, вспоминая басню Крылова «Лиса и виноград». То, что вместо винограда у меня были сливы, принципиального значения не имело.

И вот накануне 14 июля ураганный порыв ветра обломил одно из старых деревьев так, что оно треснуло примерно посередине ствола и ветви, усыпанные абсолютно неспелыми плодами, легли на землю возле грядки с помидорами.

Первым порывом, когда я утром увидела это безобразие, было схватить топор и снести поваленный ствол к такой-то матери. Ибо он мне проход загородил.

Но присмотревшись к свежей листве и ничуть не появившим зеленым сливам, я поняла, что можно не спешить. Ствол переломился не полностью, так что можно было ожидать, что осенью удастся собрать нехилый урожай сладких ягод.

Как говорится, нет худа без добра.

В этих приятных размышлениях я опустила занесенный было топор и осторожно присела на сливовый ствол, ставший почти горизонтальным. Сидеть было жестковато, но перед моим лицом оказались цветущие стебли флоксов. Нельзя сказать, что они прекрасны, словно розы, но их аромат мне нравится. Собственно, именно поэтому я их и высадила возле грядок.

Итак, я сидела, жмурясь на смягченный листвою солнечный свет и наслаждаясь запахами флоксов.

И вдруг почувствовала, что в окружающем меня мире что-то резко переменялось.

Распахнув глаза, всполошено огляделась.

Мать честная. Подо мной совсем другое дерево. Не надломленная ураганом слива, склонившаяся над моим участком с клубничными грядками, а американский клен.

И самое потрясающее, что я прекрасно узнала это дерево.

В детстве мы жили в Приокском районе Нижнего Новгорода (тогда это был город Горький). Через дорогу от нашего дома располагался огромный парк, носивший гордое имя Ленинского комсомола. Парк пронизывали аллеи, обсаженные акациями, в остальном же он был чисто природным и больше напоминал пригородный лес. Мы там часто гуляли, гоняли мячи, придумывали всякие игры... А вот именно этот американский клен запомнился тем, что горизонтальные ветви у него начинались почти у самой земли. Поэтому даже самый неуклюжий подросток (я в том числе) легко мог забраться в крону и там воображать себя индейцем, из

засады выслеживающим бледнолицых, или волшебником, живущим на вершине заколдованного дерева...

В общем, играли мы там часто.

И вот, клен.

Я недоверчиво пощупала висящие перед физиономей листочки, потом шершавую кору ближайшей ветки...

Нет, это точно не слива. Ничего общего.

Кстати, и флоксы куда-то делись, а моя рука... Елки-палки!

Кажется изменился не только окружающий мир, но и я сама.

Вот это платье, беленькое в мелкий синий цветочек... насколько помню, мне купили как раз ко дню рождения, когда мне исполнилось пятнадцать лет.

Подол был длинноват, но я не решилась подступить к неземной красоте с ножницами, и просто широкой лентой подвернула низ платья и подшила. Получилось довольно нелепо, но я всегда была странноватым подростком.

Так, и что мы имеем в результате осмотра и ощупывания?

На мне безусловно то самое платье. Вот и подол подшит моей рукой (я свои стежки знаю). А ладошки, насколько могу судить, тоненькие, нежные, практически детские.

Так что, ударила мысль, мне снова пятнадцать?!

Мысленно пробежалась по своим знаниям и воспоминаниям. Хм... Помню все прожитые (не скажу сколько) годы. И то, чему учили в Универе.

Сразу пришла идея, что мне удалось (повезло?) столкнуться с неким редким, но отнюдь не уникальным явлением природы. Конкретно с так называемой «кротовиной». Ученые давно обнаружили в дальнем космосе природным нуль-тоннели, которые прозвали «кротовыми норами». Через них материальный объект может мгновенно переместиться во времени и пространстве на некое неизвестное расстояние. В идеале — на сотни световых лет.

Норы эти различаются по величине и протяженности. А раз так, то почему бы и на нашей планете не могли обнаружиться подобные объекты, хотя, разумеется, не столь грандиозные, как в космосе?

Небольшие. И перемещающие материальные тела на скромные расстояния в пару сотен километров и в четыре-пять десятков лет. (Кажется, я проговорила).

Акунин в одной из своих книг писал, что подобные микро-тоннели умеют обнаруживать коты. И за счет этого иногда проникают в запертые помещения (например, на склад с мясoproдуктами) или выбираются из-под замка на свободу.

Кто знает, может и правда.

Так, стоп! Оборвала я свои неуместные рассуждения. Мне сейчас надо думать куда идти и что делать, а я по привычке ударила в теоретические рассуждения. На дереве долго не просидишь, пора что-то решать, а то дотяну до ночи...

Повернулась, чтобы нащупать ногой нижнюю ветку и по ней спуститься на землю, и тут небо вдруг раскололось на тысячи осколков, раздался жуткий многоголосый вой, и прямо над моей головой полетели с востока на запад гигантские огненные смерчи. Как будто Боги взъярились и разом обрушили на грешную землю свою неистовую ярость.

Не помню, как я слетела с дерева. Внизу были гигантские, нетронутые заросли крапивы, но их жгучие объятия ничего не значили по сравнению с колоссальным ужасом обваливающегося на голову неба.

В свое время удалось выучить две молитвы, но сейчас, прижимаясь к земле и к стволу раскачивающегося словно в ужасе дерева, я могла вспомнить только два слова, которые и повторяла беспрестанно: «Гоасподи, помилуй», «Гоасподи, помилуй», «Господи, помилуй»...

Глава 2. 1941-й

Когда Апокалипсис в небе закончился, я еще какое-то время лежала скорчившись и прикрыв руками голову.

Потом осмелилась приоткрыть глаза.

Поразительно, но оказалось, что мир уцелел.

Перед моим носом по надломленной травинке ползла зеленая гусеница. А за ней, фоном, стояли, слегка покачиваясь от ветра, все те же заросли крапивы.

Обострившимся зрением я даже видела острые жала ядовитых крапивных стрекал, грозно обрамлявшие знакомые с детства листочки. Но это было так безобидно и в чем-то даже трогательно, что я прикоснулась к мягкой поверхности в центре листа...

Все было живое.

Мир уцелел.

И тут пришло воспоминание о том, что именно 14 июля (спутать невозможно, так как этот день для меня особенный) 1941 года батарея «катюш» капитана Флерова нанесла первый в Великой Отечественной войне удар по фашистам реактивными снарядами.

И было это в районе Орши.

А эти места я знаю!

Дело в том, что моя мама родом из Смоленской области. И пока я училась в школе, каждое лето меня отправляли к бабушке в деревню Кузнечиха, что располагалась под Ярцево.

И мама рассказывала, как 14 июля у них над головами раскололось небо, и залп из сотни ракет капитана Флерова ударил по фашистам.

Но это означает...

Я что, в 1941-м году?!!

Набравшись храбрости, приподняла голову. Видно было плохо, но дерево, возле которого я пряталась, снова оказалось знакомым. Это была яблоня.

Прекрасно помню, что на ней созрел очень сладкие и ранние плоды. Но почему-то всегда только на одной ветке. Такое впечатление, что по весне на всем этом огромном дереве даже цветов не было. А вот маленькая веточка от души радовала.

Так. Значит я в Смоленской области. Причем попала в весьма знаковую дату — 14 июля 1941 года.

Веселый день рождения у меня получается...

Осмелилась приподняться повыше, чтобы оглядеть окрестности поверх стеблей царской, богато усыпанной семенами крапивы. (Всегда любовалась этими гроздьями, напоминавшими драгоценные серьги богатых аристократов).

Ага. Местность действительно знакомая. Чуть в отдалении, километрах примерно в двух, та самая деревня Кузнечиха, через которую проходит грунтовая дорога. А яблоня, возле которой я оказалась растет у пяти домов, образующих выселки посреди полей. Лесов здесь нет, отдельные участки, засеянные какими-то злаками (точно не определяю) разделяются оврагами, которые месные жители называют рвами.

Рвы не глубокие, не больше трех-четырёх метров, и в них густо и беспорядочно растут кусты орешника, мелких березок и ольхи... В общем, что называется, сорная растительность. Зато много полезных трав типа душицы, зверобоя, щавеля и, разумеется, подорожника. Это все я прекрасно помню, так как каждое лето по три месяца лазила здесь по окрестностям. В том числе и по рвам, где, как ни странно, ни в одном месте не проклевывался родник.

Отец, родившийся в Архангельской области, богатой на всяческие реки, болота и озера, страшно удивлялся, что тут деревня возникла в месте, где нет воды. Для огородов собирали в бочки дождевую воду и, как ни странно, грядкам этого хватало. А вот за питьевой приходилось

с коромыслами и большой жестяной канистрой ходить достаточно далеко. Мне, помню, тоже вручали бидончик, и...

На этом месте мои ностальгические воспоминания были прерваны выстрелом танковой пушки.

Ближайший к моей яблоне дом словно бы выдохнул, сжимаясь, потом вверх взлетели какие-то доски, клубы пыли, клочья сена, которым утепляли чердак... И из самой глубины сруба вдруг выметнулось пламя.

Нырять назад в спасительную крапиву, я успела заметить какую-то девчушку лет тринадцати, которая застыла, как зачарованная на краю длинной ямы (щели? окопа?)

Жильцы дома заблаговременно выкопали себе укрытие и даже перенесли в эту земляную щель наиболее ценные вещи. Этого я, разумеется, видеть не могла, но мама рассказывала, что они перенесли туда одежду, одеяла, какие-то чугунки и швейную машинку «Зингер».

Но выкопали эту щель недостаточно далеко, так что когда дом загорелся, им вчетвером пришлось сгрудиться в самом дальнем углу и молиться, чтобы одеяла, которыми они загорались от жара, не вспыхнули.

И тут меня пронзила острейшая мысль.

Та тринадцатилетняя девчушка, которая застыла на краю ямы, зачарованно глядящая куда-то на запад, это же моя мама!

Точно!

Она рассказывала, что увидела, как из дальнего рва на поле пшеницы выползают немецкие танки и замерла, словно парализованная, не в силах пошевелиться.

Рев моторов ударил по ушам.

Танки ползли, как какие-то уродливые, но живые существа, хищно поводя стволами своих орудий.

И жуткое рычание их двигателей усиливало впечатление, что это некие монстры, выползающие из преисподней.

Но тут вдруг с нашей стороны вдруг вспыхнуло отчаянное «Ур-ра!!!», и словно из-под земли поднялась цепь бойцов в гимнастерках, отчаянно бросившихся с винтовками наперерез навстречу стальным чудовищам.

Боже мой!

Мельком брошенный взгляд в сторону горящего дома, показал, что застывшая в ступоре девчонка (моя мама!) исчезла.

Она потом рассказывала, что сестра ухватила ее за ногу и втащила в яму, очевидно спасая жизнь.

А вот на пшеничном поле...

Танковые пулеметы ударили в упор по цепочке наших бойцов, и те один за другим падали в в помятую пшеницу, так и не добежав до врага.

Боже мой, мальчики... Ни один не повернул назад.

Боже мой, что же это...

Я забилась под яблоню, зажимая рот кулаками, чтобы не кричать в голос.

Танки, даже не замедлив хода, прошли через все поле и сгрудились возле ряда яблонь.

Крышки людов на них раскрылись, высунулись фашистские головы.

Возбужденная лающая речь, смех, задорные фразы...

Потом снова заревели моторы, выбросив из выхлопных труб сизые облака отработанных бензиновых газов... И танки, вытягиваясь в колонну по одному, двинулись дальше на запад.

Сволочи.

Наглые, сытые... Вперлись на нашу землю как хозяева. И шли в буквальном смысле по трупам. Я сама это видела!

Твари!

Будет еще вам план «Ост», когда ваш Кальтенбрунер задержится в петле Ниренбергского трибунала. Будет и могила в нашей земле, и осиновый кол в глотку.

Главное дожить.

Глава 3. Братская могила

Когда рев танковых моторов стих вдали, и даже воздух очистился от их вони, настало время думать, что делать дальше.

Самое простое, разумеется, снова забраться на яблоню и надеясь, что невероятная «кротовина» перебросит меня назад в мирное послевоенное время.

Но едва приподнявшись и ухватившись правой рукой за ствол, я увидела, что по тропинке, ныряющей вверх и вниз по склонам оврагов, от деревни в мою сторону движется группа немецких солдат.

А тут такое дело: местные жители ярких одежд не носят. Все у них либо серое, либо землистое. Мое же белое платье, если я вскарабкаюсь на дерево, станет заметно среди листвы, как флаг над сельсоветом.

И как прореагируют фашисты? Может захотят рассмотреть необычное явление поближе, а может стрелнут издали просто для профилактики. И неизвестно еще, что хуже.

В любом случае совершенно не хотелось экспериментировать и проверять, что у них на уме. Разумнее было замаскироваться. Но как?

Оглядевшись по сторонам, я заметила, что за яблонями располагалось поле картофеля с сочными стеблями и мясистыми листьями. Если их намять, а потом натереть получившейся кашицей белую ткань...

Сказано — сделано. Пачкала я платье пятнами, чтобы придать ему хоть отдаленное сходство с масхалатом. Потом легла на землю между картофельными рядами и поерзала сначала на спине, потом на животе и боках. Не скажу, что сухая земля так уж сразу прилипла к моему наряду, но ослепительную белизну платье утратило.

Так, а что там немцы?

Они хотя и шли от деревни в мою сторону, но явно не ко мне. Меня они пока просто не видели.

А, точно. Они вышли на поле, где так героически и бесполезно полегли наши красноармейцы и начали подбирать их оружие. Ну правильно. Во-первых, в 1941-м году фрицы еще не были массово вооружены знаменитыми шмайсерами. Судя по кинохронике начала войны, у них сплошь и рядом были винтовки и карабины, практически такие же, как и у Красной армии. А во-вторых, не оставлять же оружие бесхозным? Мало ли кто подберет да и стрельнет по дислокации?

Мама рассказывала, что в Кузнечихе немцы организовали (организуют) госпиталь, да еще и столовую, в которой будут кормить как выздоравливающих раненых, так и проходящие через деревню маршевые роты. Так что солдат в немецко-фашистской серой форме там скоро будет не меньше, чем тараканов на запущенной кухне.

В таких условиях, валяющиеся на поле винтовки и пистолеты разумно было подобрать.

Итак немцы ходили, собирая оружие, которое сваливали на дальний от меня край поля. А пришедшие вслед за ними жители деревни, повинувшись лающим командам и указующим тычкам, принялись стаскивать наших погибших бойцов в ров и присыпать сверху землей.

Мужиков среди деревенских не наблюдалось, только бабы и подростки.

К тому же лопат они принесли немного, так что полноценного захоронения не получилось. Просто стащили трупы в кучу и набросали сверху сколько-то земли. Каких-либо эмоций у них при этом я не заметила. Да и сложно проявлять эмоции, когда буквально в метре от твоей спины ходят фашисты с оружием и орут, подгоняя пинками и грубыми воплями. Крики «Шнель!» и «руссиш швайн» я разобрала вполне отчетливо.

Надо ли объяснять, что все время, пока продолжалось хождение по полю, я сидела возле яблони в буквальном смысле слова «ниже травы».

Но, наконец, «работы» завершились, и немцы дали команду местным возвращаться в деревню. Оружие было погружено в несколько тачек, и вереница людей двинулась прочь.

Теперь можно было перевести дух.

А что дальше? Опять появилась мысль срочно забраться на дерево и валить отсюда со всей возможной скоростью. Но!

Я же знала, сколько наших мальчиков безымянными погибло в мясорубке боев в первые месяцы войны. А тут прямо передо мной (от моей яблони до рва, в который стащили трупы, было метров двадцать, не больше) лежали тела бойцов. И я точно видела, что немцы забирали у них только оружие, а красноармейские книжки и, тем более, смертные медальоны остались у прежних владельцев. Так что, если их извлечь, то потом, в будущем, можно будет сообщить родственникам, где и при каких обстоятельствах погиб их отец или брат.

Пусть это не столь уж великое деяние, но, как говорится, все, что могу.

Дело меж тем шло уже к вечеру, день в середине июня еще длинный, но уже начавший сокращаться, так что в наметившихся сумерках я рискнула проползти на четвереньках те самые двадцать метров до свежей могилы.

Если бы кто-то смотрел в мою сторону, то вероятно заметил бы неуклюжие передвижения. Но самый близкий к месту дом еще не до конца прогорел, так что его жители были заняты тем, что собирали уцелевшие остатки (там взрывом выбросило какие-то доски и куски крыши, а их стоило подобрать, чтобы потом использовать... Война — это такая штука, что в ней любой предмет может стать огромной ценностью).

Словом, мне удалось беспрепятственно проползти в ров и, перекрестившись, начать аккуратно сгребать в сторону набросанную на трупы рыхлую землю.

В прежней жизни я, вероятнее всего, ни за что не осмелилась бы раскапывать даже такую примитивную могилу.

Тем более, что сумерки уже сгущались и отчетливо надвигалась ночь. Но после того, как я пережила ужас ревуших над головой реактивных снарядов... а потом эту страшную атаку, когда танки давили и расстреливали в упор наших солдат, во мне что-то отключилось. И когда под рукой (я как раз расстегнула на трупе клапан нагрудного кармана и уцепила пальцами обложку какого-то документа), мертвое тело шевельнулось, я не отскочила с оглушительным визгом, а только отдернула ладонь.

Что это было?

Боец был безусловно и непоправимо мертв — у него, видимо от прохождения танковой гусеницы, практически отсутствовала голова — но он явно шевельнулся.

Зомби?

Нет. Это я после событий сегодняшнего дня больше была похожа на зомби. Во всяком случае, чувствовала себя, как живой мертвец, в котором выгорели все чувства.

Но разум в голове еще действовал. Поэтому я сообразила, что раз мертвец шевелится, значит под ним есть что-то живое.

Навалившись всем телом (весу во мне в пятнадцать лет было не много), с усилием отката труп в сторону.

Точно!

Из мешанины тел торчала рука. И пальцы ее двигались, как будто пытались за что-то ухватиться.

Глава 4. Спасение

Трупы изрядно заоченели, так что разгребать их, чтобы добраться до живого, оказалось очень не просто. Вся измучалась.

Единственное, что утешало — погода стояла жаркая, и хотя к ночи повеяло прохладой, но все же могильным холодом из глубины разрываемой могилы на меня не веяло.

Наконец удалось до половины выкопать из-под тел раненого парнишку. Молодой, не старше двадцати лет, он был весь залит кровью. Видимо, не только своей.

А поскольку из мертвецов кровь не течет, очевидно, что в момент стаскивания в ров он был тут не единственным, кто еще не умер окончательно. Но теперь гадать об этом бессмысленно.

В первую очередь требовалось перевязать рану в груди. Не знаю, куда там прилетела пуля, но кровь на губах не пузырилась, что означало, что легкое не задето.

Меня это чрезвычайно утешило, потому что я все-таки надеялась парня спасти.

Чем перевязать? Бинтов, разумеется, нет, зато у меня имеется широкий, по моде 70-х годов подол, к тому же с широкой полосой подгиба.

И внутренняя часть относительно чистая, так как платье я пачкала преимущественно снаружи.

Вытащив из кобуры, оставшейся на поясе верхнего трупа шомпол (пистолет фашисты скрупулезно забрали, а шомполом пренебрегли), проткнула дыру в ткани, а дальше принялась рвать ее руками.

Получила длинную полосу, сшитую в кольцо. Разодрала ее еще раз, делая полосу поуже и, как сумела, наложила повязку.

Понятно, что от такой «медпомощи» толку было не много — повязка даже кровотечение до конца не остановила. Но я и не собиралась оставлять парня здесь, в этом времени. Рана была загрязнена — кто вообще знает, какой только дряни в нее ни попало за время пребывания под трупами. Значит, необходимо срочно перемещаться в больницу. А это, в принципе, не так сложно — требуется только преодолеть несчастные двадцать метров до заветной яблони.

Пока мы ползли до нужного дерева по мокрой от выпавшей росы траве, я поняла, что бойцов с поля боя вытаскивали отнюдь не хрупкие девушки-санитарки. Мужик, даже сравнительно не крупный, весит порядка 70 килограмм. И тащить его надо волоком. Тут и крепкому санитару придется как следует покряхтеть.

А я пока мы ползли, вспоминала, что лошадь, если на телегу нагрузят неподъемное, влезает в хомут всем телом. А потом, когда сдернет груз с места, в ее пользу начинают работать вращающиеся колеса.

Здесь же надо тащить, не имея ни пристойного веса, ни каких-либо катков-колесиков. Того гляди пупок развяжется.

Спасало только то, что боец время от времени приходил в сознание и отталкивался от земли здоровой рукой. Так что рано или поздно мы все-таки добрались до цели.

А вот как я подсаживала его на дерево, осталось тайной. Совершенно этого не помню.

Могу только предположить, что произошло нечто вроде экстремальной мобилизации сил. Бывают ситуации, когда человек совершает невероятное. Например, способен отбросить в сторону бетонную плиту, падающую на играющего ребенка. Или без разбега перепрыгнуть трехметровый забор...

Ученые в таких случаях говорят, что пробуждаются скрытые резервы организма. Вот и у меня они, видимо, пробудились. Ничего об этом не помню, но к моменту, когда я перестала вздымать боками, как смертельно загнанная лошадь, оказалось, что перед носом у меня торчит

толстая ветвь со светлой шершавой корой американского клена. И мы вдвоем с парнем, вновь потерявшем сознание, лежим на ветках на высоте примерно метр над землей.

«Сработало», — вяло подумала я, ибо сил на какие-либо эмоции просто не оставалось.

Но что дальше?

Постепенно приходя в себя, я стала соображать.

Итак, мы в социализме, в самом начале 70-х. Медицина бесплатная, так что главное доставить парня в больницу.

Как? Сотовые телефоны изобретут не скоро, но можно выбежать на проходящее рядом Арзамасское шоссе (или его уже переименовали в проспект Гагарина?) и, размахивая руками, остановить любую машину.

Дальше просто. Водитель, разобравшись в чем дело, наверняка поможет тащить раненого. И проблема будет решена.

Но есть нюанс.

Когда работала журналистом в Дзержинске, милиционеры (тогда была милиция) рассказывали, что два убийства в год на трехсоттысячный город считалось много. И проходили такие события по разряду ЧП, когда на место происшествия выезжало все начальство, как из УВД, так и из горкома партии и горисполкома.

А тут у нас огнестрел!

Тут всю милицию области на ноги поднимут.

Отыщут водителя, доставившего раненого, он расскажет про девочку, выбежавшую из парка, опишет внешность... И здравствуй, родное КГБ.

Что я буду объяснять вдумчивому следователю? Что хотя выгляжу на пятнадцать, но на самом деле мне шестьдесят девять, и я из будущего?

Ну, знаете... Опыта побегов из сумасшедшего дома у меня не имеется. А провести в этом скорбном заведении всю новую молодую жизнь? Не хочу.

Значит едем дальше. В родной XXI век.

Кстати, вот уже американский клен превратился в сломанную сливу на моем огороде. Сработало!

Отцепив от корявой коры ободранный подол некогда нового платья, я побрела в дом. Где тут мой сотовый? Вот, лежит на привычном месте. Набираем номер скорой.

А пока они едут, надо переодеться, чтобы не пугать медиков диким видом растерзанного человека, чудом вернувшегося из 1941-го года. Я же типа мирно сидела дома, заметила упавшего парня и, чисто из сострадания, решила помочь.

Так, платье, превратившееся в тряпку на пол. Машинально тянусь за бюстгалтером... Мда-а...

У меня был уверенный третий номер, а сейчас... нечто из серии «На этом месте могли бы быть»...

В общем, одну из деталей нижнего белья можно смело отринуть.

Ныряю в привычное платье... Упс, ощущение, будто погрузилась в озеро. Неужели с возрастом так растолстела?

Черт! Одежды полно, но размерчик у нее, как на Годзиллу. Мне что, в трусах «Скорую помощь» встречать?

К счастью вспомнила, что в дальнем углу шкафа хранится некогда любимое платье, в которое я давным-давно уже не влезаю. Оно крепдешиновое, очень красивой расцветки (цветущий зеленый луг), и я хранила его как память о прошедших годах.

Порылась под наслоениями неношенной одежды (у каждой женщины таковая есть) и вот оно!

Легкая ткань приятно обтекла тело. Yes! В самый раз.

А тут как раз и в дверь забарабанили.

Помчалась открывать.

На территорию вошли два мужика с носилками. Я ведь им сообщила, что больной без сознания, и его придется нести.

Подошли к сливе, глянули на лежащего возле нее бойца в форме РККА, хмыкнули.

— Реконструктор, что ли?

— Не знаю, — залепетала я, разводя руками. — Вышла, а он лежит.

Других объяснений требовать не стали, подняли, загрузили в скорую, уехали.

А я осталась. Требовалось понять, что теперь делать и как жить дальше.

Потому что совершенно ясно было одно: прежняя жизнь кончилась, и возврата к ней не будет никогда.

Глава 5. Что делать?

После отправки раненого в больницу, появилась возможность сесть, наконец, спокойно, налить себе чаю и поразмышлять.

Будем действовать, как Робинзон Крузо, оказавшийся на необитаемом острове. Там он, помнится, вертикальной чертой разделил тетрадный лист на две половины. Слева решил записывать все минусы своего положения, а справа плюсы.

В отличие от Робина начну с позитива. Итак, в данный момент я нахожусь в полной безопасности у себя дома. Второе — я снова молода и (хотя все мышцы болят) полна сил. И третье — вокруг родной XXI век со всеми его достижениями и удобствами.

В принципе не мало.

Теперь негатив.

По сути, я нахожусь здесь на птичьих правах, ибо не имею ни единого документа, подтверждающего мою личность.

Разумеется, в шкафчике в большой комнате хранится паспорт, школьный аттестат и диплом об университетском образовании. Но вот заковыка: там везде указано, что я родилась в середине прошлого века. Что маленько не соответствует моему юному (кстати, я посмотрелась в зеркало. И почему в молодости считала себя некрасивой? Вполне так ничего...) виду.

Далее дом и земельный участок. Я привыкла считать их своими, однако любой юрист, взглянув в документы, спросит, как в фильме «Операция Ы»:

— А где бабушка?

И что? Отвечать, подобно Шурику:

— Я за нее?

Следующий момент — средства существования. Да, у меня есть банковские карты с некими суммами денег (две из них кредитные, но пин-коды мне, разумеется, известны). Кроме того, можно предположить, что еще пару раз на карту упадет очередное перечисление пенсии. Но потом...

Потом сакраментальный вопрос о местонахождении бабули (может я ее прибила лопатой и на огороде закопала?) встанет в полный рост и со всей остротой.

Но даже если я выпутаюсь из вышеперечисленных затруднений, например, заявлю, что пожилая женщина, подобно Льву Толстому в последние месяцы жизни, решила отправиться в пешее (не эротическое) путешествие, чтобы с блокнотом писателя наперевес пройти всю нашу страну насквозь от Москвы и до Владивостока включительно... А? Каково?

Фантазия у меня работает, другое дело, как к ней отнесутся правоохранительные органы.

Но, как уже говорилось раньше, допустим, я выпутаюсь. Что дальше?

Пятнадцать лет, документов об образовании нет. Устраиваться с таким бэкграундом на работу? Куда?

А если не устраиваться, то жить на что?

В общем, как ни крути, кругом пичалька.

Допив чай, я подошла к зеркалу, немного полюбовалась на себя в любимом крепдешиновом платье и пошла в огород к упавшей сливе. Может там какие-то здравые мысли придут в мою пустую голову?

Слива лежала на прежнем месте, и наше на нее попадание вроде бы не произвело дальнейших разрушений. Выходит, путь в прошлое открыт?

Так. И куда отправимся?

Вариантов, как всегда два: хороший и плохой.

На войну, в 1941 год я, разумеется, не хочу, я же нормальный человек!

И вообще, мы победили, так что можно особо не напрягаться.

А в 70-х у меня полный шоколад: есть родители, дом, все нужные документы. Через два года закончу десять классов, получу аттестат и свободу строить жизнь, как мне нравится.

Да, впереди 90-е, но имеется куча времени на подготовку. Подкупить золотых колечек (желтый металл никогда не утрачивает актуальности), сделать запас тушенки, мыла, медикаментов... В общем, подстелить соломки во всех критических местах.

И наслаждаться жизнью.

А для успокоения совести, на взятой напрокат машинке напечатать письмо в ЦК с предупреждением о Чернобыле...

Впрочем, от моего пятинадцатилетия до 1986 года еще далеко.

Так что выбираем? Лето 1970-го и подготовку к переходу в девятый класс?

Кстати, впереди еще месяц каникул, можно в последний раз к бабушке в Смоленскую область съездить...

На этой мысли меня слегка переключило.

А дело в том, что я вспомнила местную географию.

Как уже говорила, бабушкин дом, и тот, что сгорел в 1941, и тот, что отстроили после войны, располагался не в деревне, а как бы на выселках.

Раньше там было пять домов, а я, приезжая на каникулы застала только два. Причем второй был заброшен и там давно никто не жил.

Вокруг расстилались поля, разделенные на большие (колхозные) участки рвами. И эти рвы (а точнее овраги, так как они были естественного происхождения) имели довольно своеобразное расположение. Примерно в километре на запад находился самый большой и широкий (метров в сто или даже сто двадцать) из них. Он шел с севера на юг.

А от него на восток, словно пальцы из ладони, шли ответвления. Эти рвы (овраги) имели куда меньшую ширину-глубину, и один из них заканчивался как раз в двадцати метрах от моей яблони.

Почему это важно? А вы вспомните, что происходило летом в первые месяцы войны. Немцы пробивали фронт танковыми клиньями, продвигаясь за сутки на большую, до пятидесяти километров глубину в наши тылы.

Огромное количество красноармейцев оказывалось в окружении. Естественно, все они пытались идти на восток, на воссоединение со своими частями. А теперь вопрос: как они будут идти?

По дороге через деревню?

Очень вряд ли. Были бы то обученные диверсанты, могли бы переодеться в немецкую форму и пройти строем или проехать на захваченной машине. Но кто бы их этому научил?

Пробираться в стороне от деревни по пшеничному полю, раздавленному танковыми гусеницами?

Тоже очень вряд ли. Ползти тяжело, а идущий человек виден издали.

Остается только один путь — по рву!

Не случайно именно там (мама рассказывала) они с сестрой, собирая щавель, наткнулись на раненого красноармейца. Он был очень слаб и просил хлеба.

Девчонки сначала напугались, увидев окровавленное страшилище, но потом Валя (старшая сестра) все же сбегала домой и принесла украденный из-под надзора матери (та не разрешила бы) ломоть.

Но ведь этот боец наверняка будет не единственным.

Если наши окруженцы пойдут через эту местность на восток... а они неизбежно пойдут... то...

Так. Где моя банковская карта? Надо срочно метнуться в аптеку и по магазинам.

Конечно, выгоднее было бы закупаться в 1970-м, где цены социалистические, но там у меня денег нет. А тут есть. Так что хватаем побольше пакетов и вперед, пока мне карты не заблокировали.

Глава 6. Первый контакт

Помню как-то на закате социализма группа работников и учащихся нашего ПТУ отправилась на экскурсию в тогда еще союзную Латвию. Предполагалось, что мы дружно кинемся осматривать достопримечательности красавицы Риги, но на самом деле всех интересовали местные товары, каких в нашем Поволжье было не достать.

По итогу одна из дам, оформленная в документах, как воспитатель, так нагрузилась покупками, что более всего напоминала тяжело навьюченного ослика. Сверху все кульки, кульки, кульки, свертки и сумки, и лишь внизу виднелись две полные, бойко семенящие ножки.

Смех смехом, но сейчас, пробежавшись по аптекам и торговым точкам, я выглядела точь-в-точь, как та женщина. И мне еще приходилось как-то распределять груз, чтобы не обломить ветки «транспортных» деревьев, обозначающих начала и концы «кратовин», перебрасывающих меня в прошлое.

А в 1941-м снова была ночь.

Пыхтя от напряжения, я покидала вниз шуршащие пакеты и принялась слезать с яблони сама.

И тут, практически над ухом раздалось сакраментальное:

— Стой, кто идет?

Я аж присела от неожиданности.

Это что, пограничники добрались в наши края от западной белорусской границы?

Однако, если имеется часовая, то он тут кого-то охраняет. Значит, подошла группа окруженцев, и это удачно. Я-то думала, что до времени заныкаю свои мешки куда-нибудь под кусты или под корни деревьев, а тут повезло: смогу сразу вручить продукты конечному потребителю.

— Мальч... — пискнула было, но спохватилась. И когда привыкну, что мне всего пятнадцать? Поправилась: — Дяденьки, я вам покушать принесла.

Последние слова стерли неприятное впечатление от начала фразы. Рядом возникли две тени, мои мешки подхватили и меня, спотыкающуюся в темноте на каждой кочке, под руку повели в глубину рва.

Далеко идти не пришлось. Метров через сто обнаружился тлеющий костерок, в который при моем приближении подбросили пару веток. Исключительно ради того, чтобы рассмотреть кого там черт (или Бог?) принес.

— Вот в этом пакете лекарства, — сообщила я, протягивая тот мешок, который так и не выпустила из рук. — Там бинты, йод, стрептоцид в порошках, перекись водорода и антибиотики. В общем, все, что догадалась приобрести. А там...

Впрочем, остальные пакеты принялись разбирать без моих пояснений. Я не брала новомодные нарезки и всякие салями. Только простые продукты: хлеб, сухари, пакеты с крупой, макароны, несколько банок с тушенкой. И пакет соли. А что? О ней часто забывают, но это важная штука.

Еще на дне болталось несколько плиток шоколада, которые я предполагала беречь для раненых. Это высококалорийная пища, им полезно.

Бойцы активно разбирали принесенное, а я переживала, что не догадалась избавиться от шуршащих магазинных пакетов. Конечно, мы сейчас находились в низинке, над головами легкий ветерок шелестел листьями, но все же... Надо было перепаковать купленное в большие мешки из-под комбикорма. Они тоже сделаны из пластиковых нитей, но практически не шуршат.

Учту в следующий раз.

Между тем оказалось, что самым ценным моим подарком стала пятилитровая бутылка воды. Хорошо, что догадалась захватить. Тут-то местность такая, что ни колодца, ни родничка поблизости нет. Вот люди и натерпелись от жажды.

Первым напоили раненого. Он лежал немного в стороне от костерка, и до этого момента я его не заметила.

Потом воду бережно разлили в две кружки и стали пить, передавая посуду из рук в руки.

Я опять сделала себе мысленную пометку, что в следующий раз надо будет захватить хотя бы две бутылки. Хотя и этого маловато на такой отряд... (Во рву, насколько могла судить, собралось человек десять. Да еще часовые наверняка стояли не только со стороны моей яблони).

По ночному времени готовить еду не стали. Да и как готовить без воды? Просто разогрели несколько банок тушенки и нарезали ломтями хлеб.

Пока они ели, я рассматривала бойцов, стараясь определить, кто тут старший по званию.

Различать значки в петлицах было непривычно, а по поведению выявить командира вообще не просто. Например, после осмотра все пакеты поступили в распоряжение немолодого дядьки с усами. Он главный?

К счастью, вспомнила, что значки на вороте его гимнастерки называются «старшинская пила». То есть он, видимо, хозяйственник.

Другой кандидат в командиры выглядел слишком молодо. Интеллигентный, тонкие черты лица, явно городской. И, судя по общей кудрявости и характерному носу, скорее всего еврейчик. На рукаве у него я заметила особый знак — красную звезду с серпом и молотом. М-м... Политрук?

Читала, что при попадании в плен, некоторые отрывали себе правый рукав, чтобы скрыть это обозначение. Потому что политруков немцы расстреливали в первую очередь и без колебаний. А мертвый боец, как ни крути, урона врагу нанести не может.

Между тем перекус закончился, и настало время поговорить.

Начал разговор как раз политрук. Его интересовало, где стоят немецкие гарнизоны и как лучше и безопаснее идти дальше на восток.

Ну понятно. В 1941-м практически не существовало такого понятия, как диверсионные отряды. Не обучены были красноармейцы действовать в тылу врага. Поэтому всеми силами стремились выйти из окружения и соединиться со своими частями.

А Смоленщина, между прочим, прославилась мощным партизанским движением в годы войны. Причем первые отряды начали организовывать как раз в июле 1941 года. Другое дело, что, не имея опыта, поначалу они действовали крайне неудачно. Но уже к декабрю здесь, на Духовщине (это совсем рядом) возникнет крупный отряд «Смерть фашизму», а потом и десятки более мелких, численностью до 120 человек.

Говорю же, партизанский край!

Но пока заводить речь о столь отдаленных временах смысла нет. Сейчас задача в другом — удержать ребят от самоубийственных попыток прорыва через линию фронта. Ибо даже если они, практически безоружные, туда дойдут, то скорее всего погибнут в мешанине бессмысленных контратак, подобных той, что я увидела в первый день.

Двадцать семь миллионов погибших... Два миллиона человек убитых, пропавших без вести и сгинувших в немецком плену только за 1941-й год!

И что? Вот этих мальчиков, которые сидят сейчас рядом со мной возле костра, тоже бессмысленно закопать в кучу трупов очередной братской могилы?

Не хочу! С меня одной такой на десять жизней хватит.

Но как им объяснить? Красноармейцы готовы идти в бой и сражаться. Да и товарищ политрук наверняка возмутится, если я начну говорить что-то о сбережении личного состава. Ибо лозунги, намертво вбитые в сознание, гласят: «До последней капли крови!», «Не шадя жизни», «Любой ценой громить врага».

Переломить такой настрой сложно. К тому же подрывать общее убеждение в наших силах и стремление громить врага нельзя. Тут надо действовать тонко. Пройти, образно говоря, между Сциллой и Харибдой. Справлюсь ли?

Тем более, что в глазах бойцов я всего лишь пятнадцатилетняя девчонка.

Но с другой стороны у меня в запасе огромная база знаний, полученных из XXI века. С таким багажом пасовать стыдно.

Важно только правильно преподнести все это слушающим меня бойцам.

— Товарищи красноармейцы, — произнесла торжественно, — я прибыла к вам из Москвы с особым заданием.

Глава 7. Первое задание

Главная проблема заключалась в том, что не закончился еще и первый месяц войны. И все красноармейцы были глубоко убеждены, что пройдет еще день, два... максимум неделя, и родная рабоче-крестьянская армия оправится от неожиданного и подлого удара фашистских полчищ, напавших без объявления войны... И уж тогда! Стальной метлой она погонит нацистскую нечисть с нашей священной земли.

А значит необходимо как можно скорее вернуться в ряды и совместно с нашей непобедимой армией гнать фашистского зверя прямо до самого его логова.

Ага.

И вот сейчас я им сообщу, что Победа придет только через четыре года.

За кого меня тогда примут? За паникершу? Провокатора? Или вообще за фашистского агента?

Вот елки, как же потолковей все сформулировать? Попробую так:

— В Москве при Народном комиссариате внутренних дел создан особый научный отдел под личным кураторством товарища Берии.

(Не, ну а че? Лаврентий Павлович помимо основной работы в НКВД успешно курировал два важнейший проекта: атомный, под руководством Курчатова, и ракетный, возглавляемый Королевым. Я, кстати, в свое время удивлялась, что первый человек полетел в космос при правлении Никиты Сергеевича. Больно уж масштаб события не соответствовал личности генерального секретаря. А потом поняла, что это сработал задел, заложенный в советскую науку и технику еще во времена Берии. Так что мои слова бойцы должны воспринять без отторжения).

— Сотрудникам этого отдела удалось создать пространственно-временной тоннель соединяющий три временные точки.

(Ой, надо бы как-то попроще говорить. Армия у нас не случайно называлась рабоче-крестьянской. Большинство бойцов призваны из деревень, где совсем недавно боролись со всеобщей неграмотностью. В 1941-м человек, имеющий семь классов образования числился едва ли не академиком!)

— Коротко говоря, появилась возможность путешествовать во времени.

(О! Это поняли!)

— Как закончится война? — быстро спросил политрук. Видать личный опыт боев с фашистами уже начал входить у него в противоречие с глубоким убеждением, вбитым в голову передовицами газеты «Правда».

— Война закончится в Берлине, — сообщила я. — Над рейхстагом будет поднят красный флаг Победы. Гитлер вместе с женой и любимой собакой отравится. А поскольку такая смерть недостойна мужчины, Борман потом выстрелит ему в висок. Чтобы все думали, что у Гитлера хватило духу застрелиться.

Глянула на окружающих костер красноармейцев. Они явно ободрились. Спины у них распрямились, на лицах отчетливо проступило удовлетворение.

— Но случится это не скоро, — предупредила я, — потому что прежде чем напасть на нас Германия захватила практически все страны Европы. И в настоящее время все они работают на Третий рейх. Так что нам придется сражаться не с одной, сравнительно небольшой страной, а практически со всем европейским континентом*. Нам придется переломить хребет всему европейскому фашизму. А это, товарищи, очень непросто!

Бойцы завозились. Но общее настроение, которое я уловила, было такое, что мол, не бойсь! Нужно будет переломать, так переломим. Мы привычные!

(Автор знает, что Европа не континент, а часть света. Но требовалось сказать красиво, так что...)

Но продолжаем.

— Благодаря возможности перемещаться в будущее, мы смогли увидеть некоторые события, которые необходимо предотвратить любой ценой. Поэтому сюда, в Смоленскую область направили меня. Требуется подобрать людей, которые смогут выполнить важнейшее задание Партии, Правительства и лично товарища Сталина.

(Я произносила эти слова именно так, как здесь принято — с большой буквы. И бойцы разве что по стойке смирно не встали. В общем, прониклись).

— Вас может удивить, что столь важное поручение доверили пятнадцатилетней девочке. Но это связано с особенностями тоннеля. Так вышло, что перемещаться по нему могу только я. Так что выбора просто не было.

— А какое задание нам предстоит выполнить? — твердо спросил политрук.

Я внимательно оглядела его лицо. Да, определенные национальные признаки имеют место быть. Но все же решила уточнить:

— Товарищ политрук, скажите, вы еврей?

Даже в тусклом свете костерка было заметно, как он покраснел. Но грубо ответить порученцу Партии и Правительства не посмел, так что просто кивнул.

— Из будущего, — сообщила я, — мы смогли увидеть, что в сентябре Киев будет окружен фашистами, а 26 числа взят.

Последовал всеобщий выдох. Красноармейцы были потрясены.

— Но не это самое страшное. Мы увидели, что воплощая в жизнь свой людоедский план «Ост», фашисты начали массово уничтожать мирных жителей, оказавшихся в их власти.

Первый массовый расстрел произойдет уже через три дня после захвата города. В урочище Бабий яр сгонят более тридцати трех тысяч человек, в том числе женщин, детей, стариков... И всех расстреляют.

Я замолчала, и возле костерка повисла жуткая тишина.

Не верить мне у бойцов оснований не было. Тем более, что придя на место, где мы сейчас беседовали, они не могли не заметить разворошенную мной могилу. И сваленные в нее трупы погибших братьев по оружию, что красноречиво свидетельствовали о том, какую долю готовят нашему народу фашистские изверги.

Да и прежде, после того, как приняли первый бой на границе, после того, как отступали, отстреливаясь и теряя товарищей, они уже поняли, что такое фашисты, и какое европейское просвещение они несут на нашу землю.

— Всего за время оккупации Киева, — продолжила я, — в Бабьем Яру будет уничтожено более ста тысяч человек. Преимущественно евреев. Но так же среди жертв были и наши военнопленные.

— Да это же... — не выдержал кто-то. — Это же просто...

— Вы правы. Фашисты — это нелюди. А теперь давайте думать, как нам действовать, чтобы это ужасающее преступление предотвратить.

Глава 8. Подготовительные мероприятия

— Надо сообщить товарищу Сталину! — последовал тихий выкрик из темноты.

Ага. В той каше, которая сейчас творится на фронтах... В неразберихе, когда сплошь и рядом теряется управление войсками, фашисты захватывают один город за другим и рвутся к Москве...

Вот сейчас самое время с плачем бежать за помощью к товарищу Сталину.

Понятно, что сто тысяч человек — это колоссально много. Но на фронтах сейчас гибнут и пропадают без вести миллионы. Судьба страны решается.

— Товарищ Сталин в курсе, — без тени сомнения соврала я. — Он и дал поручение, которое необходимо выполнить. Как? Думайте.

Между тем небо на востоке уже начало светлеть. Июльские ночи коротки.

Я подумала, что мне стоит вернуться на какое-то время в 2025 год, а то может там в дверь уже вовсю стучатся представители правоохранительных органов, жаждущие узнать, что за странного человека привезли медики с моего участка? Ведь реконструкторы в наши края в этом году не заезжали.

К тому же парень мог очнуться и начать вслух удивляться чудесам, которые его в больнице окружают.

Или просто в бреду начнет выдавать что-нибудь из реалий 1941 года... Кричать, например, «В атаку!» или просто «Ур-ра!»

Вопросов у мед. персонала будет целое море.

Короче, надо подготовиться.

Заодно еще продукты соберу, приготовлю бутылки с водой... Кстати! Надо полиэтиленовую пленку взять. А то не дай Бог дожди ударят, а бойцы сидят под открытым небом.

Да и вообще, мне самой тоже нужно хорошенько подумать о том, как выполнить «задание партии и правительства». Оно, конечно, может и не получиться, но попытаться необходимо. Цена вопроса слишком велика.

Если кто-то предполагает, что, добравшись домой, я для обдумывания ситуации присела в уголке и приняла позу роденовского мыслителя, так он ошибается. Время поджимало, и требовалось многое успеть. Так что все процессы на ходу, и никак иначе.

Инспектируя внутренности кухонных шкафов, наткнулась на так называемые «окопные свечи». По случаю сделала когда-то несколько штук, планируя с наступлением заморозков обогревать ими парник. Такая свеча, сделанная из консервной банки, заполненной полосками картона и залитая расплавленным стеарином, без проблем горит целую ночь. И послужит отличной заменой фонарику, которого у меня, кстати, нет. Точнее есть, но там батарейки сели.

Так, в мешок эти свечи. Туда же отправила два давно купленных пакета с макаронами. И еще (удачно, что вспомнила) из книжного шкафа извлекла учебник немецкого языка. Не школьный! А изданный под бойким названием «Немецкий за 13 дней» для желающих самообразовываться. Пробовала по нему учиться, и хотя дальше десятой страницы не продвинулась, но поняла, что составлен он толково. В общем, вещь полезная, в любом случае пригодится.

В голове тем временем выстроилась некая версия того, что буду говорить полиции, когда та придет.

Дело в том, что мой участок огорожен солидным забором, и просто так на него не зайдешь. Значит сообщу, что сидела дома у окна и услышала, как за стеной кто-то возится. Вышла посмотреть... Оп-па, а там за разросшимся кустом шиповника лежит человек.

Я наклонилась посмотреть, что с ним, а он вдруг поднялся и пошел вглубь моей территории. Оттуда его потом и забрали врачи.

Версия не идеальная, но вполне рабочая. Надо только траву примять в месте, где я якобы впервые бойца увидела.

Ага, сделала. Теперь по магазинам.

Кстати, не мешало бы постричься.

В 1970-м году у меня были волосы до плеч. Не то, чтобы пышная грива, но что-то средненькое росло, придававшее мне (по убеждению мамы) некую женственность. Особенно, если каждый день накручивать прядки на бигуди.

Бр-р-р... Как вспомню, так вздрогну.

К счастью, сейчас этими «красотами» можно не заморачиваться. Состричь все покороче да и все. Никаких проблем с прическами.

Закупились, изрядно нагрузив тележку, которую прихватила из дома и более чем наполовину поисчерпав кредит на своей карте. Надо срочно думать о том, каким образом пополнить баланс. А то скоро банкротом стану.

Вернувшись домой еще раз перебрала покупки... Вроде ничего не забыла. Так, переодеваемся в нечто, более соответствующее реалиям войны (сотовый привычно в карман) и идем к нашей волшебной сливе. Пора возвращаться в 1941-й.

* * *

Бойцов в знакомом овраге заметно прибавилось. Говорю же, здесь рвы идут с запада на восток, так что это практически единственный путь, который могут выбрать отступающие окруженцы.

На этот раз я попала в день, так что могла оценить численность вновь прибывших.

Мне помогли перетащить от яблони мешки с продуктами и... Та-дам! представили перед строгим взором капитана в форме НКВД.

Особист!

Кажется, сейчас начнется что-то особенное.

Глава 9. НКВД в режиме реального времени

Товарищ капитан был орел! Невысокий, но коренастый, весь такой плотный и основательный. Черты лица жесткие, глазки серо-стальные, очень светлые, как будто выцветшие. А в центре блеклой радужки черные пронзительные зрачки. Словно буравчики.

Надо отдать должное, сразу атаковать меня вопросами чекист не стал. Сначала принялся внимательно оглядывать.

А я чо? А я ни чо. Одетая не по здешнему, но скромно — джинсы, с которых тщательно срезала все этикетки с иностранными буквами, черная водолазка. На ногах удобные тапки. (Я, конечно, не предполагала совершать в 1941 году марш-броски на десятки километров, но по деревьям лазить по любому приходилось, так что обувь — это важно).

И, разумеется, я даже не пыталась меряться характером с профессионалом — сразу опустила глазки и постаралась принять максимально невинный вид.

Вообще-то, особисту разумнее было отвести меня для допроса куда-то в сторону, чтобы общаться с глазу на глаз. Но увы, размеры оврага, в котором мы таились от вражеских взглядов, были весьма ограничены. Поэтому товарищу капитану пришлось действовать в окружении красноармейцев.

Осмотр был довольно долгим. Но наконец он разродился вопросом: «Как зовут?».

Тут у меня затруднений не возникло, ответила бойко.

— Так говоришь, ты из будущего?

— Да, товарищ капитан. Из 2025 года. Если не верите, посмотрите на продуктах указан срок годности и дата изготовления. И, кстати, книжку принесла, изданную в 1997 году. Тогда модно было иностранные языки учить, вот я и попыталась.

=То есть немецкого ты не знаешь?

— К сожалению. Сейчас бы пригодилось.

Капитан, на минуту отвлекшись от меня, дал распоряжение бойцу подтащить поближе принесенный мной мешок. После чего некоторое время изучал содержимое.

Я немного волновалась, так как на банках дату указывали в виде «05.07.24». А «24» это ведь могло быть и в прошлом, верно?

Но тогда, в конце гражданской войны на этикетки однозначно не наносили штрих-код, который на моих продуктах был буквально повсюду. У нас ведь компьютеризация, и кассир ничего не считает, только пикает.

Видимо, осмотр упаковок удовлетворил капитана. И он задал следующий вопрос:

— Так чем, говоришь, закончится эта война?

— Нашей полной победой.

Я оглядела бойцов, которые хоть и держались чуть поодаль, но слушали внимательно. Вот только энкавэдешник ничуть не смягчился. Не верил он мне от слова совсем. А то, что у меня вещи были нездешние (пакеты шуршащие, непривычного вида этикетки на консервах), так это только укрепляло его подозрения. У немцев промышленность развита покруче, чем у СССР. Недаром у них станки и технологии закупали. Так что непонятная девчонка в странной одежде, вероятнее всего...

И тут я спохватилась. Все же, черт побери, большую часть жизни я прожила в XX веке, вот и думаю по старинке.

Я же ко дню рождения сделала себе подарок — купила смартфон! И естественно, сунула его в карман джинсов, ибо в XXI веке эта штука постоянно должна быть под рукой. Или в руках. Без нее не просто неудобно, но даже неприлично!

Прежний-то мой кнопочный телефончик показывать особисту не стоило. Он только усилил бы подозрения. Потому как являлся средством связи. Рацией по сути. А рации у кого обычно бывают? То-то и оно.

Смартфон — совсем другое дело. Тут картинку можно предъявить. Много видосов на новый гаджет я закачать не успела (говорю же, человек старой закалки), но кадры с парада Победы 1945 года там были.

Извлекла новенький девайс, набрала побольше воздуха, чтобы выдать информацию без пауз и, держа экран перед физиономией товарища капитана, громко выдала:

— 24 июня на Красной площади состоится парад победителей. К подножию Мавзолея будут низвергнуты знамена сотен разгромленных фашистских дивизий. А принимать парад будет Георгий Константинович Жуков, который как Георгий-Победоносец выедет из ворот Спасской башни на белом коне.

Возникла небольшая толкотня, так как экранчик был невелик, а желающих посмотреть много.

Но капитан, разумеется, сохранил свою позицию в первом ряду.

— А почему Жуков? — спросил он, закончив короткий, на пару минут просмотр. — Почему не товарищ Сталин?

— Иосиф Виссарионович не кавалерист, — сухо ответила я. Чекист мог бы это знать. — Поэтому после объезда войск и воинских приветствий, товарищ Жуков подъехал к трибуне Мавзолея и доложил товарищу Сталину, что к параду все готово.

Ага. Это сообщение всем понравилось. Субординация соблюдена, все в порядке.

Полную дату проведения парада я нарочно не сказала. Пусть думают, что в следующем году. Не стоит разрушать бодрое боевое настроение.

Капитан после просмотра глубоко задумался. Я по-прежнему держала перед его носом экран с остановившимся финальным кадром, где Георгий Константинович при всех орденах гарцевал на белом коне перед застывшим строем воинов-победителей.

Маршал Победы на белом коне во время исторического парада на Красной площади.

Вряд ли такая картина могла быть продуктом геббельсовской пропаганды. Да и устройство в моих руках выглядело слишком иновременным.

Но я ведь сразу заявила, что прибыла из будущего, разве нет?

Товарищ капитан, однако, своих подозрений не утратил. Не знаю почему. Во всяком случае взгляд его ничуть не смягчился

— Так, а что там с окружением Киева? — продолжил он допрос.

— Тут, товарищ, ничем помочь не могу, так как человек я сугубо гражданский. Моя забота и мое поручение от партии и правительства, — я сделала многозначительную паузу, чтобы все прониклось, — заключается в том, чтобы спасти из столицы Украины как можно больше мирных жителей. Военное командование на том участке фронта старается удержать врага. Партийные и хозяйственные власти города заняты эвакуацией предприятий и вывозом семей инженеров и рабочих. До еврейской диаспоры Киева никому просто нет дела. А у нас так удачно сложилось, что имеется товарищ политрук, у которого как раз подходящая для выполнения задания национальность. Он мог бы войти в контакт с еврейским населением Киева, его стали бы слушать.

— Продолжай.

— Люди могут уйти самостоятельно. Сейчас они думают, что власть, хорошая или плохая, это все-таки власть. А вместо этого придут людоеды. По плану «Ост» у фашистов задумано поголовное уничтожение евреев. Поголовное, понимаете?

— План «Ост»?

— Ну да. О нем мало что известно. Это был целый комплекс документов, большую часть которых немцы перед капитуляцией успели уничтожить. Иначе по приговору Нюрнбергского трибунала повесили бы не одиннадцать человек из руководства рейха, а гораздо больше.

— Только одиннадцать?

— Ну, Геринг отравился в тюремной камере, кто-то покончил самоубийством... Но вообще да, маловато. Потому как из уцелевших данных известно, что помимо евреев и цыган планировалось так же массовое уничтожение славян: русских, белорусов и украинцев. Фашисты собирались оставить от нас не более тридцати миллионов. Причем большинство уцелевших переселить в Сибирь. А всех прочих, кто выживет, использовать как рабов в своих поместьях на захваченных землях. На наших землях, если кто не понял.

Повисло тягостное молчание. Кажется, бойцы обдумывали мои слова.

— Значит, ты считаешь, что надо посылать людей в Киев? — спросил, наконец, капитан, весь погруженный в свои мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.